

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.4.4>

Бондарева Людмила Михайловна

КОГНИТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МЕТАФОР ПАМЯТИ В ТЕКСТАХ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ВОСПОМИНАНИЙ

В статье осуществляется лингвокогнитивный анализ метафор памяти, функционирующих в текстах воспоминаний немецких писателей. Целью работы является установление закономерностей способов концептуализации памяти субъектами речевой деятельности. В результате было выявлено, что окказиональные метафоры памяти реализуются в материале исследования в виде вариантов основных метафорических моделей "память - одушевлённое существо" и "воспоминание - одушевлённое существо / предмет" как следствие амбивалентного характера интерпретируемого феномена.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/4/4.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 4. С. 20-23. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/4/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

10. COHA (Corpus of Historical American English) [Электронный ресурс]. URL: <http://corpus.byu.edu/coha/> (дата обращения: 30.01.2019).
11. Dalzell T., Victor T. Sex Slang. L.: Routledge, 2007. 213 p.
12. Google Ngram Viewer [Электронный ресурс]. URL: <https://books.google.com/ngrams> (дата обращения: 30.01.2019).
13. Holder R. W. How Not to Say What You Mean: A Dictionary of Euphemisms. Oxford: Oxford University Press, 2002. 501 p.
14. Mair C. Twentieth-Century English: History, Variation and Standardization. Oxford: Cambridge University Press, 2006. 262 p.
15. Martyn P. Metal balls. Morrisville: Lulu, 2015, 283 p.
16. Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.etymonline.com/> (дата обращения: 30.01.2019).
17. Opinion 8.19. Self-treatment, or Treatment of Immediate Family Members // Code of Medical Ethics, Current Opinions with Annotations: Including the Principles of Medical Ethics, Fundamental Elements of the Patient – Physician Relationship and Rules of the Council on Ethical and Judicial Affairs. Chicago: American Medical Association, 2012. Vol. 14. № 5. P. 396-397.
18. Smith A. F. Fast Food and Junk Food: An Encyclopedia of What We Love to Eat: in 2 vols. California: Greenwood Press, 2015. Vol. I. 815 p.
19. UD (Urban Dictionary) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.urbandictionary.com/> (дата обращения: 30.01.2019).
20. Warren B. What Euphemisms Tell Us about the Interpretation of Words // Studia Linguistica. 1992. Vol. 46. Iss. 2. P. 128-172.
21. Yost A. For Better or Hearse. N. Y.: The Wild Rose Press, Inc., 2016. 272 p.
22. Zenobia. Lost Ones. Bloomington: Xlibris Corp., 2012. 178 p.

**CHARACTERISTICS OF PHYSIOLOGICAL EUPHEMISMS
IN THE XX – AT THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY
(BY THE MATERIAL OF THE ENGLISH LANGUAGE)**

Biryukova Irina Aleksandrovna, Ph. D. in Philology
Moscow State Linguistic University
irenus_@mail.ru

The article deals with the basic laws of the development of the English euphemistic units used in matters of physiology and the intimate sphere of people's life in the period of the XX – the beginning of the XXI century. The paper ascertains the relationship between the sociocultural background of the English-speaking community and focus ideas (or profiles) that form the basis of the nomination of the semantics of phraseological euphemisms belonging to the specified chronological period. A statistical analysis of the units is carried out and further trends in the development of euphemistic nominations are projected basing on the most productive profiles.

Key words and phrases: euphemism; dysphemism; conceptual structures; gender; nomination focus; masculine profile; feminine profile; diachronic aspect.

УДК 811.112.2

Дата поступления рукописи: 25.02.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.4.4>

В статье осуществляется лингвокогнитивный анализ метафор памяти, функционирующих в текстах воспоминаний немецких писателей. Целью работы является установление закономерностей способов концептуализации памяти субъектами речевой деятельности. В результате было выявлено, что окказиональные метафоры памяти реализуются в материале исследования в виде вариантов основных метафорических моделей «память – одушевлённое существо» и «воспоминание – одушевлённое существо / предмет» как следствие амбивалентного характера интерпретируемого феномена.

Ключевые слова и фразы: тексты воспоминаний; когнитивная деятельность речевого субъекта; концептуализация; автобиографическая память; воспоминания; окказиональные метафоры.

Бондарева Людмила Михайловна, к. филол. н., доцент
Балтийский федеральный университет имени И. Канта, г. Калининград
bondareva.koenig@mail.ru

**КОГНИТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МЕТАФОР ПАМЯТИ
В ТЕКСТАХ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ВОСПОМИНАНИЙ**

Тексты воспоминаний играют важную роль в жизни человечества, являясь носителями культурной памяти и трансляторами исторического опыта предков последующим поколениям. **Актуальность** обращения к текстам подобного рода обусловлена их несомненной значимостью в процессе фиксации, хранения и реконструкции фактов и событий пережитой реальной действительности, что способствует установлению взаимосвязей прошлого, настоящего и будущего.

Исследование метафоры памяти, предпринятое в данной статье, обладает определённой **новизной**, поскольку оно осуществлялось на мало исследованном материале текстов воспоминаний немецкоязычных писателей с учётом тенденций, характерных для когнитивно-дискурсивной парадигмы современного лингвистического мышления.

Основная **цель** заключается в систематизации и интерпретации окказиональных метафор памяти как средства концептуализации одной из важнейших структур человеческого сознания. Данной целью обусловлено последовательное решение в рамках настоящей статьи ряда следующих **задач**: рассмотреть проблемы

феноменологии памяти, осветить феномен памяти как объект лингвокогнитивных исследований и осуществить лингвокогнитивный анализ метафор памяти, реализующихся в текстах воспоминаний немецких писателей.

Известно, что в основе структурирования текстов воспоминаний лежит работа автобиографической памяти. Интерес к феномену памяти наблюдался ещё в античности, когда философы и мастера риторического искусства стремились выработать методику и технику сознательного управления мнемоническими процессами. При изучении этих процессов традиционно было принято различать память естественную и память искусственную [2; 3; 10; 12].

Естественная память, будучи врождённым свойством человека, служит нам для ориентации в окружающей действительности и позволяет осуществлять постоянный процесс сравнения и сопоставления прошлого опыта с опытом вновь приобретённым. Вся наша жизнедеятельность основывается на получении и переработке информации об окружающем мире в ходе каждодневного взаимодействия с реальной действительностью, что в целом охватывается понятием «когниция». Н. Н. Болдырев подчёркивает, что в этом смысле речь идёт о любых сознательных или неосознанных процессах, которые связаны с приобретением знаний, их преобразованием, запоминанием, извлечением из памяти и использованием в повседневной практике [1, с. 23].

По мнению немецкого лингвиста-когнитолога Моника Шварц, функциями памяти определяются в решающей степени все когнитивные действия человека, поскольку без фиксации в памяти события и факты индивидуального опыта имели бы лишь «сиюминутную» значимость. Память является залогом нашей самоидентификации: личность не может сомневаться в том, кто она, если она обладает определёнными воспоминаниями [11, S. 76-80].

Сама лексема «память» является, согласно Е. С. Кубряковой, своего рода порождающим механизмом, источником своих различных «развёрток» [4, с. 90]. Богатый семантический потенциал данной номинации вполне закономерно обуславливает факт существования целого ряда когнитивных метафор памяти, референциально соотносящихся с самыми разнообразными денотатами. Традиционно память осмысливается как некий резервуар, контейнер, место хранения и накопления прошлого опыта, вследствие чего в процессе метафоризации этого феномена ведущую роль играет локальная атрибутика. Тем не менее последние исследования нейробиологов свидетельствуют о наличии у памяти, помимо статического, ярко выраженного динамического аспекта [9], что также не может не отражаться на процессе её концептуализации.

Гетерогенный характер памяти находит своё адекватное отражение в текстах воспоминаний немецкоязычных писателей, пытающихся реконструировать собственное прошлое в ходе интенционально обусловленной когнитивной ретроспективной деятельности.

Как правило, на композиционно-речевом уровне текстов воспоминаний данный ментальный процесс реализуется в форме соответствующих авторских рассуждений, содержащих ядерные существительные номинативного поля концепта «Память», к которым относятся лексемы *das Gedächtnis* («память») и *die Erinnerung* («воспоминание»). Возникающие при этом различные ассоциативные связи зависят исключительно от индивидуальных особенностей интерпретатора, но в большинстве случаев речь идёт о работе в сознании человека неких таинственных иррациональных сил, которые действуют по своим собственным законам и отличаются крайней произвольностью, зыбкостью и обманчивостью.

Креативность памяти и динамический характер её актуализаторов – воспоминаний дают основание С. Цвейгу на страницах мемуаров “Die Welt von gestern: Erinnerungen eines Europäers” («Вчерашний мир. Воспоминания европейца») использовать при осмыслении подразумеваемого феномена индивидуальные метафоры персонифицирующего характера «память – организующая сила» и «воспоминания – живые существа»:

...ich betrachte unser Gedächtnis... als eine wissend ordnende und weise ausschaltende Kraft. Alles, was man aus seinem eigenen Leben vergießt, war eigentlich von einem inneren Instinkt längst schon vordem verurteilt gewesen, vergessen zu werden. Nur was sich selbst bewahren will, hat ein Anrecht, für andere bewahrt zu werden. So spricht und wählt, ihr Erinnerungen, statt meiner, und gebt wenigstens einen Spiegelschein meines Lebens, ehe es ins Dunkel sinkt [13, S. 12-13]! / «...я рассматриваю нашу память как организующую со знанием дела и мудро сортирующую силу. Всё, что забывается из собственной жизни, было уже задолго до этого приговорено внутренним инстинктом к забвению. Только то, что само по себе хочет сохраниться, имеет право быть сохранённым для других. Итак, говорите и выбирайте вы, воспоминания, вместо меня и передайте хотя бы отблеск моей жизни, прежде чем она погрузится в темноту!» (здесь и далее перевод автора статьи. – Л. Б.).

Метафора «воспоминания – живые существа» встречается и в автобиографии Э. Кестнера “Als ich ein kleiner Junge war” («Когда я был маленьким»), написанной специально для детей. Простым и доступным языком писатель стремится при помощи наглядных образов объяснить юному читателю разницу между памятью и воспоминаниями и описать характер сохранения и воспроизведения информации о личном прошлом опыте в сознании человека.

На лексическом уровне актуализация семы одушевлённости осуществляется в результате функционирования в цитируемом ниже фрагменте текста воспоминаний Э. Кестнера глаголов *leben* («жить»), *atmen* («дышать»), *aufwachen* («проснуться») и др., соотносящихся с существительным *Erinnerungen* («воспоминания»). При этом память концептуализируется писателем в традиционном духе как хранилище, вместилище пережитого, в результате чего формируется окказиональная авторская метафора «память – шкаф / комод»:

Gedächtnis und Erinnerung sind geheimnisvolle Kräfte. Und die Erinnerung ist die geheimnisvollere und rätselhafte von beiden. Denn das Gedächtnis hat nur mit unserem Kopfe zu schaffen... Hier sind die Fächer für alles, was wir gelernt haben. Sie ähneln, glaub ich, Schrank- oder Kommodenfächern...

...Die Erinnerungen liegen nicht in Fächern, nicht in Möbeln und nicht im Kopf. Sie wohnen mitten in uns. Meistens schlummern sie, aber sie leben und atmen, und zuweilen schlagen sie die Augen auf... Und wenn die eine Erinnerung

aufwacht und sich den Schlaf aus den Augen reibt, kann es geschehen, daß dadurch auch andere Erinnerungen geweckt werden [7, S. 282-283]. / «Память и воспоминание – таинственные силы. А воспоминание из них обеих – более таинственное и более загадочное. Потому что память имеет дело только с нашей головой... Здесь есть ящики для всего, что мы когда-то выучили. Они похожи, как мне кажется, на ящики шкафа или комода...»

Воспоминания не лежат в ящиках, мебели или в голове. Они живут внутри нас. В большинстве своём они дремлют, но они живут и дышат, и иногда они открывают глаза... И когда одно воспоминание просыпается и протирает глаза, может случиться, что из-за этого пробуждаются также и другие воспоминания.

В записках о своём пребывании во французском лагере для интернированных во время Второй мировой войны, озаглавленных “*Der Teufel in Frankreich. Erlebnisse*” («Чёрт во Франции. Пережитое»), писатель Л. Фейхтвангер даёт собственную трактовку персонализированной памяти, представленной метафорой «память – обманщица». Тем не менее автор подчёркивает, что непостижимые рациональным путём действия памяти обусловлены, прежде всего, нашей истинной природой, а потому имеют объективную причину:

...das Gedächtnis fälscht... Es handelt nach Gesetzen, die mein Bewußtsein nicht erklären kann, die aber sicherlich mit meinem innersten Wesen zu tun haben [5, S. 12-13]. / «...память всё извращает... Она действует по законам, которые моё сознание не может объяснить, но которые совершенно определённо связаны с моей внутренней сущностью».

Любопытная окказиональная метафора аналогичной семантики «продажная дама Воспоминание» встречается в автобиографических воспоминаниях Г. Грасса “*Beim Häuten der Zwiebel*”, название которых звучит в русском переводе как «Луковица памяти». Писатель, детство которого прошло в Восточной Пруссии (ныне Калининградская область), при реконструкции собственного прошлого сетует на то обстоятельство, что он, будучи оторванным в силу объективных исторических событий от родных мест, лишён возможности более детально воспроизвести атмосферу молодых лет, проведённых в этом краю. В сложившейся ситуации единственным подспорьем для автора является память, прихотливость, изменчивость и непредсказуемость которой хорошо известны любому читателю:

Da mir, dem Kinde einer Familie, die nach Kriegsende vertrieben wurde... kein Nachlaß aus Jugendjahren zur Hand ist, kann nur die fragwürdigste aller Zeuginnen, die Dame Erinnerung, angerufen werden, eine launische, oft unter Migräne leidende Erscheinung, der zudem der Ruf anhängt, je nach Marktlage käuflich zu sein [6, S. 64]. / «Поскольку у меня, ребёнка из семьи, которая после окончания войны была изгнана из родных мест, нет под рукой наследства юношеских лет, можно призвать на помощь только самую сомнительную из всех свидетельниц – даму Воспоминание, капризное, часто страдающее мигренью создание, за которым к тому же укрепилась репутация продажности в зависимости от конъюнктурных соображений».

Кроме того, в некоторых воспоминаниях немецких писателей при концептуализации памяти и воспоминаний эти феномены сопоставляются с неодушевлёнными объектами окружающей действительности. Так, в тексте автобиографии К. Манна “*Der Wendepunkt. Ein Lebensbericht*” («На повороте. Жизнеописание») функционируют сравнительные конструкции, сводимые к метафорам «воспоминания – сокровище» и «воспоминания – монетки на счастье». «Опредмечивание» воспоминаний приводит к нивелированию их активного характера, в результате чего они становятся объектом пользования автора – «хозяином», не утрачивая при этом своей ценности и значимости в жизни повествователя:

Es gibt Erinnerungen, die man, wie einen Schatz in Kriegszeiten, so gut vergräbt, daß man selber sie nicht wiederfindet. Und es gibt andere Erinnerungen, die man wie Glückspfennige immer bei sich trägt. Sie haben ihren Wert nur für uns [8, S. 373]... / «Есть воспоминания, которые, как клад во время войны, закапываешь так старательно, что сам потом их не можешь найти. И есть другие воспоминания, которые, как монетки на счастье, всегда носишь с собой. Они обладают ценностью только для нас самих...».

Характерно, что в процитированном примере речь идёт о сознательной работе человека с собственными воспоминаниями. В одном случае, как подчёркивает писатель, происходит произвольное вытеснение отдельных событий из личностной памяти, а в другом случае мы, напротив, целенаправленно фиксируем в памяти конкретные факты и явления, реконструкция которых не предназначена для коллективного обозрения.

В вышеупомянутых воспоминаниях Г. Грасса память также уподобляется предмету – луковице, «очищая» которую, речевой субъект обнажает всё новые и новые скрытые в глубине сознания слои пережитого, связанные с различными уровнями его личностного развития, что несёт с собой немало горьких открытий и эмоциональных потрясений. Именно такая сквозная метафора – «память – луковица» – проходит через всё автобиографическое повествование Г. Грасса, оригинальное название которого – “*Beim Häuten der Zwiebel*” («Очищая луковицу») – было прагматически адаптировано переводчиком для более адекватного понимания сути произведения русским читателем. Будучи оформленным в виде словосочетания «Луковица памяти», название книги служит средством антиципации основной авторской интенции – продемонстрировать читателю сложный, неоднозначный и непредсказуемый характер процесса реконструкции субъектом воспоминания собственного прошлого.

В одном из фрагментов текста Г. Грасса луковица становится эвентуальной «участницей» автодиалога повествователя, вспоминаящего своё прошлое в рядах немецких национал-социалистов. Умудрённый жизнью автор вынужден с горечью констатировать, что все совершённые им в этот период проступки нельзя оправдать просто незрелостью собственного изображаемого «Я»:

Um... mich zu entlasten, kann nicht einmal gesagt werden: Man hat uns verführt! Nein, wir haben uns, ich habe mich verführen lassen.

Aber, könnte die Zwiebel lispeln... du bist doch fein raus, warst nur ein dummer Junge, hast nichts Schlimmes getan, hast niemanden, keinen Nachbarn denunziert, der zynische Witze über Göring... riskiert hat... u.s.w. [6, S. 44]. / «Чтобы... снять с себя вину, даже нельзя сказать: нас обманули! Нет, мы, я дали себя обмануть. Но, могла бы

пролепетать луковица... ты удачно отделался, ты был просто глупым мальчиком и не сделал ничего плохого, ты ни на кого не доносил, ни на соседа, который рискнул отпустить циничные шутки о Геринге... и т.д. ».

Снимая очередной слой луковичной кожуры, то есть обнажая посредством воспоминаний скрытый до этого от всех пласт своей биографии, связанный с рекрутской службой в войсках СС, повествователь открыто признаётся, что не находит на тонкой «луковой кожице» памяти никаких зашифрованных посланий, содержащих признаки испытываемых им в то время чувств ужаса или стыда. Для Г. Грасса, как и для большинства молодых немцев в годы Второй мировой войны, подобный род занятий был предметом гордости и подтверждением факта личной мужественности. Осознание преступности содеянного и жгучий стыд за своё прошлое легли тяжёлой ношей на плечи писателя уже в послевоенное время, что, собственно, и побудило его в зрелом возрасте к написанию такой откровенной и неожиданной для читателя автобиографии – исповеди:

Zu fragen ist: Erschreckte mich, was damals im Rekrutierungsbüro unübersehbar war, wie mir noch jetzt, nach über sechzig Jahren, das doppelte S im Augenblick der Niederschrift schrecklich ist?

Der Zwiebelhaut steht nichts eingeritzt, dem ein Anzeichen für Schreck oder gar Entsetzen abzulesen wäre. Eher werde ich die Waffen – SS als Eliteeinheit gesehen haben [Ibidem, S. 126]... / «Встаёт вопрос: пугало ли меня то, что тогда в бюро рекрутского набора было непредсказуемым, в такой же мере, в какой меня ещё теперь, через шестьдесят лет, приводит в ужас двойная С в момент её написания? На луковичной кожице не начертано ничего, что свидетельствовало бы о признаках страха или даже ужаса. Скорее, войска СС казались мне элитным подразделением...».

Как очевидно, окказиональная метафора «память – луковица» становится лейтмотивом всего ретроспективного повествования известного немецкого писателя, подводящего итог своего жизненного пути и осмысливающего автобиографическую память как многослойный феномен, который содержит в себе, порой в зашифрованном виде, самую важную информацию о личностном опыте каждого человека.

На основании осуществлённого анализа текстового материала представляется возможным сделать **вывод** о том, что в воспоминаниях немецких писателей память становится предметом интенционально обусловленной когнитивной деятельности речевых субъектов. Интерпретация автобиографической памяти и её актуализаторов – воспоминаний в различных аспектах вызывает появление в ретроспективных текстах ряда окказиональных метафор различной семантики, важнейшими из которых являются метафоры «память – одушевлённое существо» и «воспоминание – одушевлённое существо / предмет». Данное обстоятельство свидетельствует об амбивалентном характере концептуализации памяти субъектами воспоминаний и служит наглядным подтверждением необходимости дальнейшей разработки проблемы в русле междисциплинарных исследований на материале текстов различных языков.

Список источников

1. **Болдырев Н. Н.** Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 18-36.
2. **Доминев Э.** Тренировка памяти. Уникальные методики гениев. СПб.: Лениздат; Ленинград, 2007. 320 с.
3. **Кохтев Н. Н.** Риторика. М.: Просвещение, 1994. 206 с.
4. **Кубрякова Е. С.** Об одном фрагменте концептуального анализа слова ПАМЯТЬ // Логический анализ языка. Культурные концепты / АН СССР, Ин-т языкознания; отв. ред. Н. Д. Арутюнова и др. М.: Наука, 1991. С. 85-91.
5. **Feuchtwanger L.** Der Teufel in Frankreich. Erlebnisse. Berlin – Weimar: Aufbau-Verlag, 1982. 304 S.
6. **Grass G.** Beim Häuten der Zwiebel. Göttingen: Steidl Verlag, 2006. 479 S.
7. **Kästner E.** Als ich ein kleiner Junge war // Kästner E. Ausgewählte Prosa und Gedichte. Moskau: Verlag “Raduga”, 1985. S. 246-376.
8. **Mann K.** Der Wendepunkt. Ein Lebensbericht. Berlin – Weimar: Aufbau-Verlag, 1979. 717 S.
9. **Maturana H. R.** Erkennen: die Organisation und Verkörperung von Wirklichkeit: ausgewählte Arbeiten zur biologischen Epistemologie. Braunschweig – Wiesbaden: Vieweg, 1982. 322 S.
10. **Reichert K.** Joyces Memoria // Gedächtniskunst: Raum – Bild – Schrift. Studien zur Mnemotechnik / hrsg. von A. Haverkamp und R. Lachmann. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1991. S. 328-355.
11. **Schwarz M.** Kognitive Semantiktheorie und neuropsychologische Realität. Repräsentationale und prozedurale Aspekte der semantischen Kompetenz. Tübingen: De Gruyter, 1992. 163 S.
12. **Yates F. A.** Gedächtnis und Erinnern: Mnemotechnik von Aristoteles bis Shakespeare. Weinheim: VCH; Acta Humaniora, 1990. 379 S.
13. **Zweig S.** Die Welt von gestern: Erinnerungen eines Europäers. Berlin – Weimar: Aufbau-Verlag, 1981. 512 S.

COGNITIVE POTENTIAL OF MEMORY METAPHORS IN THE GERMAN MEMOIRISTICS

Bondareva Lyudmila Mikhailovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad
bondareva.koenig@mail.ru

The article provides a linguo-cognitive analysis of the memory metaphors functioning in the German writers' memoirs. The study aims to identify the means used by the subjects of speech activity to conceptualize memory. The findings allowed the author to conclude that occasional memory metaphors, due to their ambivalent nature, are realized in the German writers' memoirs as variants of the basic metaphorical models “memory – animate being” and “reminiscence – animate being / object”.

Key words and phrases: memoirs; speech subject's cognitive activity; conceptualization; autobiographical memory; memoirs; occasional metaphors.